

**Отзыв официального оппонента Тамары Георгиевны Морщаковой
на диссертацию Анастасии Владимировны Агабаевой,
представленную на соискание ученой степени кандидата
юридических наук по теме
«Процессуально-правовой статус прокурора в суде с участием
присяжных заседателей»
(специальность 12.00.09 – «Уголовный процесс»)**

Диссертационное исследование Анастасии Владимировны Агабаевой, посвященное процессуальному статусу главного из участников уголовного судопроизводства на стороне обвинения, представляет несомненный интерес, прежде всего, благодаря тому, что автор, показывая пути совершенствования института публичного обвинения в суде с участием присяжных, дает его логико-правовой и системный анализ в парадигме состязательного процесса. Это позволяет автору сделать существенные выводы и предложения, которые направлены не только на повышение эффективности поддержания государственного обвинения, но и в целом на реализацию начал состязательности в судопроизводстве с участием присяжных по уголовным делам. Ясно, что тем самым увеличивается теоретическая весомость диссертационной работы и возможная сфера реализации ее выводов в законотворчестве и правоприменении.

Автор обращается к общетеоретическим, значимым также для исследования процессуального статуса прокурора понятиям правосубъектности и правоспособности, применяя их к анализу внутриотраслевой процессуальной и, в частности, специальной правоспособности прокурора, его функций и полномочий в системе правоотношений активного типа, в которых на государственных органах лежит юридическая обязанность осуществления процессуальной деятельности, направленной на достижение определенного, не отделимого от нее результата, при том, однако, что он не регламентируется в

законе как безальтернативный¹. Такая позиция по существу находит выражение и в ряде приводимых ниже положений диссертации, с которыми нельзя не согласиться.

Автор верно утверждает, что

- эффективность обвинительной деятельности прокурора в суде с участием присяжных зависит от разных объективных причин и не всегда обусловлена его профессиональными качествами (с. 5), а также навыками государственного обвинителя (с.26); на этом построены многие формулируемые автором предложения по совершенствованию законодательной регламентации процедуры рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей;

- возложение на прокурора процессуальной функции обвинения не исключает необходимость использования прокурором (как должностным лицом прокуратуры, а также в силу его процессуального статуса) всего комплекса мер для обеспечения прав и законных интересов разных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, поскольку прокурор осуществляет не только функцию уголовного преследования (с. 26-27);

- различные функции прокурора² в суде присяжных обуславливают необходимый объем его процессуальных полномочий и предлагаемого в работе их расширения, в том числе, как до начала судебного разбирательства - на этапе предварительного слушания судом для предотвращения и устранения нарушений прав участников процесса (с.84) или при формировании коллегии присяжных, так и по окончании судебного следствия, когда прокурор вправе заявить возражение по содержанию напутственного слова (с. 170-171), отказаться от обвинения или изменить его в сторону смягчения до и в ходе

¹ См., например, о такой особенности процессуальной деятельности и функций: Алексеев С.С. Общая теория права. Курс. В двух томах. Т. 2. М., Юридическая литература. С. 152, 158, 160, 162.

² В данном контексте в диссертации речь идет не о разделении уголовно-процессуальных функций участников судопроизводства, а о разных направлениях деятельности прокурора в суде (с.26, 27).

судебных прений (с.31-32,137-140), оценивать в судебном заседании - наряду с председательствующим и стороной защиты – вердикт присяжных с точки зрения его ясности и непротиворечивости (с.178), а также отказаться от обвинения или изменить его в сторону смягчения после вынесения обвинительного вердикта при обсуждении его последствий (с. 183-184).

Эти положения рассматриваются как предопределяющие, выражающие и формирующие существо процессуального статуса прокурора в суде с участием присяжных заседателей.

Теоретическое его осмысление, исходя из положений общей теории права и теории уголовно-процессуального права, дополняется и обосновывается в диссертации на основе методов историко-правового и сравнительно-правового исследования.

Изучая историю введенного во второй половине XIX века в российском уголовном судопроизводстве суда с участием присяжных заседателей, автор выделяет интересные параллели с современным его развитием. В работе подчеркивается не только возлагавшаяся на прокурора в дореволюционном суде присяжных обязанность поддерживать государственное обвинение, согласно известным словам А.Ф.Кони, «объективно и в меру», в том числе реализуя право на отказ от обвинения и его изменение, что «являет собою одно из лучших выражений того духа живого беспристрастия, который желали упрочить в судебной деятельности составители Судебных уставов»³, но и установленный достаточно широкий круг вопросов, при решении которых суд был обязан заслушивать заключение прокурора, на которое могли быть поданы возражения защиты, при том, что отсутствие заключения прокурора являлось основанием

³ Цит. автором диссертации по: Рукавишников П.П. Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Иркутск. 2008. С. 3.

для отмены приговора, а его отказ от заключения по вопросам назначения наказания лишил права принесения протеста на приговор суда⁴.

Этим подтверждается особый, отличный от других участников процесса, статус прокурора. Проанализированные в работе свидетельствующие о более широком круге его полномочий, чем только поддержание обвинения, значимые особенности статуса прокурора в отечественном институте суда присяжных подтверждают собственные российские традиции судопроизводства с участием присяжных, лишая его критиков повода для модных упреков законодателю в необоснованном заимствовании чужих моделей в ходе развития современного российского судопроизводства.

Помимо дореволюционного российского опыта становления суда присяжных в диссертации обобщены зарубежные практики Великобритании, США, Франции. Особенно выделяются автором регламенты судопроизводства с участием присяжных в США, которые предоставляют обвинителю наиболее широкие полномочия для осуществления уголовного преследования. Автор при этом достаточно взвешенно анализирует разный зарубежный опыт поддержания обвинения в суде присяжных. С одной стороны, подчеркиваются отличные от российских особенности организации обвинения, которые связаны, например, в Великобритании с отрицанием потребности в институте прокуратуры на фоне исторически сложившихся традиций судебного контроля, судебного прецедента и отсутствия идеи законности⁵. С другой стороны, анализируется законодательный и организационный опыт, учет которого, пусть не буквальный, представляется возможным, при совершенствовании сходных процессуальных институтов в России, например, позволяющий сторонам на стадии предварительного рассмотрения дела судом ознакомиться с собранными по делу противоположной стороной доказательствами (раскрытие доказательств)

⁴Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий. Вып. IV / под ред. М.Н. Гернета. М., 1915. С. 1370.

⁵ Диссертант ссылается на работу: Додонов В.Н., Крутских В.Е. Прокуратура в России и за рубежом / под ред. С.И. Герасимова. М. 2001. С. 25.

для подготовки к дальнейшему судебному разбирательству в суде с участием присяжных, использовать допустимые способы изучения данных о личности кандидатов в присяжные в процедуре их отбора или опровергать незаконно оглашенные защитой данные о личности подсудимого в случае, если они не соответствуют действительности и могут повлиять на объективность присяжных. Эти проблемы обсуждаются и в современной российской дискуссии, поэтому сравнительный анализ таких практик в работе носит отнюдь не чисто иллюстративный характер, а имеет практическое значение. Это подтверждают и приводимые автором результаты изучения мнений работников органов прокуратуры⁶.

В целом в работе достаточно убедительно представлено также использование автором социологических и статистических методов исследования, включающих, прежде всего, собственное социологическое изучение позиций практикующих прокуроров-государственных обвинителей (более чем 50 субъектов Российской Федерации) на основе оригинального анкетного анонимного опроса (140 опрошенных) и анализ материалов судебной практики на базе изучения более 30 протоколов судебных заседаний и надзорных производств прокуратуры в двух субъектах Российской Федерации за довольно длительный период (с января 2006 по май 2015 года), а также опубликованной кассационной и апелляционной практики Верховного Суда (с января 2013 по май 2015 года).

Совокупность использованных методов исследования позволила диссертантке не только сформулировать основные идеи и конкретные предложения по развитию процессуальных гарантий поддержания обвинения в состязательном судопроизводстве с участием присяжных заседателей, но и предложить, соблюдая все правила нормотворческой техники, тексты проектов поправок в УПК РФ, в Постановление Пленума Верховного Суда, Приказ

⁶ См. Приложение № 1 к диссертации. С.217- 218.

Генерального прокурора РФ⁷. Это служит существенному приближению практических перспектив необходимого совершенствования процессуального регламента, определяющего поддержание обвинения в суде с участием присяжных, а также внедрению результатов диссертационного исследования. Сформулированные автором новаторские предложения по развитию правового регулирования рассматриваемого института, во всяком случае, могут повлиять и на толкование закона в процессе правоприменения, поскольку исходят из законодательно закрепленных принципов и специфики суда с участием присяжных заседателей. Автор при решении ряда конкретных дискуссионных вопросов обращается в своем исследовании к аналогии права и закона, что служит, в том числе, обеспечению системности в теоретическом, законодательном и правоприменительном осмыслении рассматриваемых проблем.

На фоне изложенных общих характеристик работы необходимо проанализировать также ее отдельные положения, заслуживающие внимание и одобрение, вызывающие замечания или носящие дискуссионный характер⁸.

1. Автор справедливо указывает на то, что статистика, демонстрирующая соотношение обвинительных и оправдательных приговоров в суде при рассмотрении дел с участием присяжных, далеко не всегда является показателем недостаточной эффективности самой процессуальной деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения, но может быть связана во многих случаях с несовершенством законодательного регламента в суде с участием присяжных заседателей.

Исходя из этой посылки сформулированы многие предложения по уточнению или дополнению УПК РФ, существо которых не вызывает возражений: например, об обязанности прокурора участвовать в

⁷ См.: Приложения № 2-3.С.217=225

⁸ Изложенные ниже соображения приводятся в отзыве, как правило, в соответствии с хронологией рассмотрения соответствующих вопросов в тексте работы.

предварительном слушании, о праве сторон высказывать свое мнение в предварительном слушании по разным вопросам - в связи с выделением в отдельное производство уголовного дела в отношении некоторых из подсудимых при их несогласии с рассмотрением дела с участием присяжных, о числе подлежащих вызову кандидатов в присяжные заседатели или о проведении закрытого судебного заседания, а также о праве сторон формулировать свои замечания по поводу вердикта - до его оглашения - в связи с оценкой его ясности и непротиворечивости, или о праве прокурора при обсуждении последствий обвинительного вердикта отказаться от обвинения и изменить его и пр. Составленные автором тексты предлагаемых изменений вполне корректны, и их принятие было бы полезно.

Однако нельзя не отметить, что отсутствие в законе такой конкретизации процессуальных прав сторон, в том числе указанных полномочий прокурора, не может считаться парализующим их. Напротив, отказ в их реализации должен был бы рассматриваться как нарушение права стороны в ходе состязательного судебного разбирательства излагать суду свое мнение по возникающим в процессе вопросам. Автор, по сути, соглашается именно с такой позицией и правильно ссылается в обоснование своих предложений (с. 69, 78, 82-83, 175 работы) на ч.ч.1, 2, 5, 8 ст.246, ч. 1 ст. 248, ч.2 ст.345 УПК РФ, из которых вытекает указанное понимание правомочий сторон. Диссертантка права и в том, что предлагаемые ею новеллы в большей мере обеспечивали бы названные правомочия.

Но и при отказе законодателя от такой конкретизации должно гарантироваться их признание и реализация – на основе соответствующего истолкования лежащих в основе процессуального статуса сторон принципиальных положений Конституции и УПК РФ. В частности, из конституционных принципов гласности, состязательности, запрета заочного разбирательства (ст. 123 Конституции) вытекает, что исключения из них возможны только на основе прямого указания законодателя. Тем более, что

формулировка о праве прокурора излагать свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, не предполагает их исчерпывающего перечня. Такое истолкование могло бы быть и предметом разъяснений Пленума Верховного Суда.

2. В диссертации предлагается порядок разрешения разногласий по двум немотивированным отводам кандидатов в присяжные между государственным обвинителем (который должен иметь право отвести одного кандидата) и другими участниками процесса со стороны обвинения (решающие об отводе еще одного кандидата). Это положение вынесено на защиту, и алгоритм для распределения права на отвод двух кандидатов сформулирован для закрепления в законе. Вопрос, по признанию автора работы, почти не возникающий на практике. Но его решение в диссертации не вызывает удовлетворения. Во-первых, исходя из того, что ч.5 ст.327 вполне определенно перечисляет субъектов права на немотивированный отвод и наряду с подсудимым и его защитником называет только государственного обвинителя и новое предписание противоречило бы названному. Во-вторых, потому, что предусмотренное в ч. 14 ст. 328 УПК РФ правило о согласовании прокурором своей позиции по двум немотивированным отводам с потерпевшим или гражданским истцом в его истолковании во взаимосвязи с п. 2 ч. 5 ст. 327 УПК РФ не позволяет понимать «согласование» его позиции с другими участниками со стороны обвинения ни как получение их согласия, ни как отказ прокурору в праве на отвод даже в отношении одного из кандидатов, т.к. потерпевший и др. не могут ни заявить отвод сами, ни вынудить прокурора сделать это по их выбору. Понятие согласования и в сфере отношений органов власти толкуется только как требующее их совместного обсуждения вопроса, а не решения, иначе оно предоставляло бы право «вето»⁹. Но, кроме того, в-третьих, нельзя согласиться с предложенной диссертанткой аналогией данного случая и

⁹ См. позицию Конституционного Суда РФ

порядка, предусмотренного в п. 15 ст. 238 УПК РФ для разрешения соответствующих разногласий между подсудимыми (с. 95), которые имеют равный процессуальный статус при защите от обвинения. Потерпевший же не исполняет публичную функцию ни обвинения, ни правоохраны, ему не предоставлено право принять на себя обвинение, даже если прокурор отказывается от него. Распределение между прокурором и потерпевшим права на отвод двух присяжных означало бы отказ прокурора от возложенных на него обязанностей, а его позиция объективного обвинения должна была бы уступить мнению, которое не может претендовать на какую-либо беспристрастность. Такая подмена публичного обвинения позицией потерпевшего исключается даже международными нормами о защите жертв преступлений¹⁰.

Несмотря на изложенную критическую аргументацию, точка зрения, выраженная автором по данному вопросу, не представляется значимым основанием для какого-либо серьезного упрека исследованию. Думается, нельзя ожидать и особого дальнейшего отстаивания рассмотренного предложения автором – в будущих исследовательских работах можно было бы отказаться от такого сюжета, исходя не только из малой его распространенности, но именно из защищаемой в диссертации точки зрения о многофункциональном статусе прокурора в суде присяжных и невозможности делегировать публичное обвинение другим участникам процесса.

3. Безусловно, значим и представляет интерес вопрос о возможности закрепления в УПК механизма проверки сведений о присяжных заседателях при формировании в суде скамьи присяжных по конкретному делу (с. 99- 106). Автор предлагает предоставить сторонам право ходатайствовать перед судом о проверке данных, касающихся личности присяжных заседателей, а суду - право направлять соответствующие запросы. При этом обосновывается цель

¹⁰ См. Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. Одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/34 и Рекомендацию Комитета министров СЕ от 28 июня 1985г. № (85)11«О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса».

расширить возможность исследования данных о личности кандидатов в присяжные для формирования беспристрастной коллегии и в то же время защитить их от неправомерного вмешательства сторон в частную жизнь и, главное, от возможного незаконного воздействия в связи с рассмотрением конкретного дела. Обозначены важные процессуальные условия допустимости такой проверки, которая предполагается только по ходатайству стороны, исключительно в рамках вопросов поставленных ею при отборе кандидатов, и по поводу обстоятельств, которые могут препятствовать участию присяжного заседателя в рассмотрении дела при несомненности его права отказаться от такой проверки. Предлагаемое регулирование, несомненно, способствовало бы исключению нелегального собирания сведений о кандидатах. Но проблема применения данного института не может не потребовать обсуждения и целого ряда других процессуально значимых вопросов.

Представляется, что практика отбора присяжных их уже поставила. К примеру, ниже обозначены некоторые из них.

Выявляемые при отборе кандидатов благодаря усилиям сторон и суда обстоятельства, препятствовавшие включению в общие списки кандидатов, очевидно, не предполагают обязательности предварительной постановки кандидату-присяжному вопроса об их наличии, а если такой вопрос был задан не сообщившему о них кандидату, не имеет значения, знал ли кандидат о такого рода обстоятельствах и мог ли о нем сообщить.

В то же время надо признать, что наличие некоторых оснований, исключающих возможность быть присяжным, могут и должны проверяться судом (например, при не своевременном снятии с учета лиц, излечившихся от алкоголизма и прочих длительных расстройств).

Вряд ли можно выяснять и проверять обстоятельства, которые дают основание кандидату самому просить об освобождении от участия в деле в качестве присяжного, если он все же хочет участвовать, – его отвод (как

мотивированный стороной) требует других оснований. Проводимая проверка таких обстоятельств не должна вынуждать и к самоотводу.

Если сомнения стороны в определенных обстоятельствах, самому кандидату не известных и не влекущих обязательный отвод, в ходе проверки подтвердились, но не привели к заявлению отвода (например, имевшееся ранее административное взыскание), то они не могут признаваться ни сокрытием, ни влекущим отмену приговора основанием.

Проверка же обстоятельств для самоотвода вряд ли требует, чтобы стороны выясняли и ставили эти вопросы, что может приводить к злоупотреблению сторонами своим правом отвода.

Возникают и трудности с обоснованностью ходатайств о проверке, а также с отграничением легальных и нелегальных способов проверки при ее проведении, например, прокуратурой в порядке надзора, но в связи рассматриваемым делом (с.106), о чем другие участники процесса не уведомлены.

Необходимо ответить также на вопрос о том, не нарушается процессуальный статус стороны защиты требованием раскрывать источники полученной ею и служащей интересам защиты информации о личности присяжного, отобранного обвинением, т.к. опровержение сомнений стороны защиты в беспристрастности позиции стороны обвинения является именно его обязанностью.

В работе рассматриваются предложения о вариантах организации проверки сведений, касающихся личности присяжных. Диссертантка ссылается на авторов, считающих, что такая проверка должна проводиться в рамках закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹¹. К сожалению, в работе не ставится вопрос о том, насколько это согласуется с целями названного закона и ОРМ,

¹¹ Дежнев А.С. Организационные и правовые проблемы формирования коллегии присяжных заседателей // Российская юстиция. 2005. №7. С. 27; Глобенко О.А. Заметки присяжного // Уголовное судопроизводство. 2007. №1. С. 10-11 и др.

обеспечивающих выявление, пресечение и преследование преступлений (с.100-101).

Предметом будущих исследований и обоснования остается, по-видимому, и возможный, по мнению автора, вариант проверки информации о личности присяжных по аналогии с проверкой кандидатов на судейские должности (с. 102-103). Хотя судей, в отличие от присяжных, не подвергают проверке при рассмотрении конкретных дел, приобретаемый ими статус создает им и обременения, и защиту пожизненно, они могут обжаловать в судебном порядке результаты проверки, на которых основываются касающиеся их решения органов судейского сообщества.

4. Основным мотивом разделов диссертации, посвященных судебному следствию в суде с участием присяжных, можно назвать идею максимально полного и доступного представления им доказательственной информации, исключающего вместе с тем все, что может помешать объективному ее восприятию судьями-непрофессионалами, которое объективно необходимо. С этой точки зрения, в работе предложен ряд новелл, заслуживающих внимания в научной дискуссии, которые направлены на развитие видов процессуальной деятельности прокурора в связи с его вступительным заявлением в суде как государственного обвинителя, а также представлением доказательств, допросом дополнительных свидетелей, использованием видеоконференцсвязи, оценкой с участием сторон относимости доказательств, обсуждением предлагаемого присяжным вопросного листа, возражениями на напутственное слово судьи и оценкой ясности и непротиворечивости вердикта.

В работе формулируется ряд существенных выводов (с.117-119) о недопустимости упоминания в ходе вступительного заявления прокурора в судебном следствии об осужденных другими судами соучастниках подсудимого, если эти сведения не имеют непосредственного значения для исследования обстоятельств, подлежащих установлению присяжными заседателями, если

производство в отношении соучастников не завершено, или приговоры не вступили в законную силу.

Этот круг запретов вызывает вопросы, представляется неосновательно суженым и построенным на слишком общих и противоречивых посылах. Обстоятельства, установленные другими судами, значимые для предмета доказывания в данном процессе, могли бы оцениваться присяжными, только если бы рассматривались в нем. Присяжные не рассматривают правовые вопросы, тем более уже разрешенные другим судом. Запрет информации об осужденных соучастниках, в отношении которых производство по уголовному делу еще не завершено, обусловлен лишь целью защиты осужденных в других судах и делах, поскольку в отношении них еще нет исполняемого вступившего в законную силу судебного акта, но не недопустимостью сужения в конкретном деле компетенции суда присяжных. Компетенция же присяжных всегда ограничена решением вопросов факта, перечисленных в п.п.1, 2, 4 ч. 1 ст.299, ч. 1 ст. 334 и ч. 7 ст. 335 УПК РФ. Если факт совершения преступления в соучастии не исследуется перед присяжными, то он не имеет значения для всесторонности разбирательства, скорее наоборот. Вынесенные в других процедурах акты в ряде случаев (например, при особом порядке судебного разбирательства) вообще не могут признаваться устанавливающими фактически обстоятельства дела, а лишь фиксируют соглашение сторон. Что же может быть признано значимым в решениях по таким делам для суда присяжных, который как форма разбирательства, выбранная подсудимым в целях его собственной защиты, не может быть парализован в своей процессуальной значимости ни признанием вины возможными соучастниками подсудимого, ни другими судебными актами, тем более не предполагающими установление фактов на основе исследования доказательств и потому не создающими никакой преюдициальности! Следовательно, демонстрация во вступительном заявлении государственного обвинителя ранее вынесенных приговоров в отношении возможных соучастников подсудимого (тем более без

указания на особые порядки предшествующего разбирательства) может служить только манипулированию присяжными, посягает на их компетенцию в установлении фактов, выходит за допустимые пределы судебного разбирательства, а вовсе не служит его всесторонности и полноте.

Намеренное нарушение пределов судебного разбирательства, выражающееся в доведении до присяжных заседателей сведений о личности подсудимого, способных повлиять на их объективность, абсолютно верно рассматривается далее в работе как недопустимое и обуславливающее, в том числе, необходимость процессуального реагирования прокурора путем принесения апелляционного представления на приговор (с.130-132). Практика расширения пределов судебного разбирательства в суде присяжных, последовательно критикуемая в диссертации, одинаково недопустима при оглашении сторонами данных, характеризующих личность и потерпевшего, и свидетеля, и, тем более, подсудимого.

5. В диссертации обосновывается интересное предложение о дополнении полномочий прокурора в судебном следствии с участием присяжных возможностью вручить им письменные тезисы вступительного заявления, а далее также тезисы выступления обвинителя в прениях сторон. Это, безусловно, помогало бы присяжным уяснить существо обвинения. Но тогда было бы необходимо сделать ряд принципиальных пояснений о том, как, например, будет обеспечиваться контроль за соответствием тезисов самой вступительной речи, как такая письменная форма согласуется с тем, что присяжные не знакомятся с материалами дела, будет ли при этом обеспечено ознакомление стороны защиты с письменным вариантом заявления и возможно ли, чтобы для стороны защиты не было предусмотрено симметричное правомочие в состязательном процессе. Это, конечно, может быть предметом последующих научных разработок автора.

6. Автор отстаивает дальнейшее расширение состязательных начал в суде присяжных, предлагая: на уровне закона признать право обеих сторон

вручать присяжным тезисы своих речей в прениях (с.149); предусмотрев соответствующее указание государственным обвинителям в Приказе Генерального Прокурора РФ, излагать в письменном виде свою позицию по вопросам, включенным председательствующим в вопросный лист (с.157), рекомендовать на уровне постановления Пленума Верховного Суда, чтобы рассмотрение замечаний сторон по содержанию и формулировке вопросов и предложений о новых вопросах в вопросном листе завершалось мотивированным постановлением председательствующего, подлежащим в соответствии с ч. 2 ст.256 УПК РФ занесению в протокол судебного заседания (с.155). На расширение начал состязательности направлена и предлагаемая автором идея обсуждения председательствующим с участием сторон внесенных присяжными в вопросный лист ответов – для устранения в них неясностей и противоречий (с. 176). Это сформулировано как законопроектное решение.

Заслуживает одобрения проявляющаяся в названных и многих других предложениях автора позиция о необходимости общих усилий законодательной и правоприменительной практики по реализации состязательного алгоритма судопроизводства с участием присяжных заседателей.

7. Представляет интерес и имеет значение практического методического руководства также та часть диссертационной работы, где на основе анализа материалов судебной и прокурорской практики дается разбор наиболее часто встречающихся в вопросных листах неудачно или неверно сформулированных вопросов, поставленных на разрешение присяжных заседателей, влекущих впоследствии отмену вынесенных приговоров (с. 157-169). Автор на основе доктрины, а также толкования закона и текстов судебных актов обобщает требования к типу и содержанию вопросов, разрешаемых присяжными, что может использоваться в системе юридического образования и повышения квалификации судей и прокурорских работников.

Изложенные соображения, дискуссионные позиции и замечания не снижают значимости проведенного диссертационного исследования. Напротив, все сказанное свидетельствует о его новизне и практической востребованности, должном уровне теоретического и нормативно-правового анализа, подтверждающем также творческие возможности автора: **Анастасия Владимировна Агабаева, несомненно, заслуживает присуждения ей искомой степени кандидата юридических наук.**

Автореферат диссертации и опубликованные диссертантом работы адекватно и полно отражают содержание диссертации. Проведенное исследование соответствует научной специальности 12.00.09 (согласно классификации научных юридических дисциплин).

Официальный оппонент:

Моршачкова Тамара Георгиевна
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ,
заведующая кафедрой судебной власти
факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
(101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д.20;
тел.: 8(495)7713232; e-mail: tmortchakova@hse.ru)

Моршачков

24 ноября 2015г.

